

Шубина Марина Михайловна

**АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ "ВОСТОЧНОГО ДЕСПОТИЗМА" В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ
ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ НОВОГО ВРЕМЕНИ**

Статья посвящена анализу концепции "восточного деспотизма" как формы проявления европоцентризма. Рассмотрены отдельные работы западноевропейских философов XVIII в. - Л. Монтескье, П. Гольбаха, А.-Г. Анкетиль-Дюпперона, Н. Макиавелли, посвященные данной проблематике. Уделено внимание употреблению слова "Восток" в культуре и истории. Проведен краткий анализ изменения представлений европейцев о Востоке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/3-3/52.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 208-210. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 008

Статья посвящена анализу концепции «восточного деспотизма» как формы проявления европоцентризма. Рассмотрены отдельные работы западноевропейских философов XVIII в. - Л. Монтескье, П. Гольбаха, А.-Г. Анкетиль-Дюпперона, Н. Макиавелли, посвященные данной проблематике. Уделено внимание употреблению слова «Восток» в культуре и истории. Проведен краткий анализ изменения представлений европейцев о Востоке.

Ключевые слова и фразы: Восток; «восточный деспотизм»; европоцентризм; человек; государство; детерминация; политическая свобода.

Марина Михайловна Шубина

Кафедра «Философия и история»

Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса

shubina-m@mail.ru

АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ «ВОСТОЧНОГО ДЕСПОТИЗМА» В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ НОВОГО ВРЕМЕНИ®

На протяжении долгого времени звучат постоянные доказательства вековой ущербности Востока и обоснования вечного превосходства «демократического» Запада, доходящие до расовых противопоставлений. На сегодняшний день проблема дихотомии «восток-запад» не утратила своей актуальности. Данный вопрос можно рассмотреть через призму философского анализа трудов западноевропейских мыслителей Нового времени.

Проблема генезиса европоцентризма четко проявляется в философской антропологии, находит осмысление в трудах западных философов, которые противопоставляли «восточные» и «западные» культуры, так называемые «азиатский» и «европейский» дух по уровню самосознания, способу мышления, ценностным ориентациям. Существующей моделью в европейском мышлении, против которой был направлен натиск сокрушительной критики, стал «восточный деспотизм». В противостоянии ему отрабатывались принципы неприятия и ограничения власти.

В восточной философии не наблюдается специфического интереса к человеку. В целом человек в восточной культуре - лишь материал, который помогает приобщиться к высшим, внеличным ценностям. Сознание такого типа, естественно, тяготеет к власти, в которой выражает себя, как предполагается, истинный абсолют. Власть понимается как безоговорочная ценность, как наиболее полное выражение тайны бытия. Она возникает независимо от человека как отражение духа Вселенной. Человек же должен сознательно подчиниться этой власти, даже не претендуя на постижение ее смысла.

В восточных деспотиях индивид вообще не рассматривается как ценность. Напротив, всякая уникальность, «нестертость» человека оценивается как зло, как помеха на пути слияния с Космосом. Эти качества индивида противоречат общему настрою восточной культуры, призванной обнаруживать безличные абсолюты, идет ли речь о некоем верховном начале бытия, пантеистически осмысленной природе или понимании общества как иерархически организованном общежитии людей [4].

«Идеальный тип» деспотизма был сформулирован еще Монтескье в книге «О духе законов», изданной в 1748 г., - в применении к потребностям нарождавшегося гражданского общества в части Западной Европы. Списанный с тиранической модели Франции XVIII в., этот тип стал «общим аршином», прилаживаемым ко всем прочим обществам. В XVIII в. Шарль Луи Монтескье в своем главном труде «О духе законов» выдвигает на первое место чисто географические факторы (климат, почва, территория) при рассмотрении условий, влияющих на развитие общественной жизни. Эти факторы определяют психологию, нравы, обычаи людей, своеобразный дух народа и, соответственно, строй общественной жизни, законы государства, деятельность законодателя [7]. Следует отметить, что для своего времени взгляды Монтескье носили прогрессивный характер.

Вскоре после него П. Гольбах проповедовал «просвещенный деспотизм», усматривая в нем гарантию от феодального произвола. Уже в 1778 г. А.-Г. Анкетиль-Дюпперон на основании не умоуменьшающей модели, а памятников и данных о культурах и политических системах Индии, Персии и Турции доказал в книге «Восточное законодательство», что у этих стран политическая регуляция основывалась на устойчивых правовых системах, а проявления деспотизма возникали лишь в условиях срыва и нарушения этих систем [6].

Тем не менее, в европейской мысли рамки негативной оценки государства были расширены, и оно предстало как орган репрессивного контроля над «естественными правами» личности и общества с использованием монополии на насилие. Негативная характеристика государства все более утверждалась в европейской общественной мысли, породив сильные антигосударственные компоненты.

Употребление слова «Восток» в культуре и истории не всегда и не вполне соответствует географическому местоположению тех стран, о которых идет речь. Понятие о Востоке как особом мире, противоположном Западу, впервые возникло в Римской империи. Для греков существовала только противоположность между жарким, культурным югом и холодным, населенным воинственными варварами севером, чем определилось и первичное деление на части света: «Европу» помещали к северу от Африки и Азии. Для Аристотеля все население мира, кроме греков, разделилось на варваров Северной Европы, храбрых, но неспособных к развитию государственности и культуры, и культурных, но лишенных мужества азиатов. Среднее положение между теми и другими занимали эллины, жившие в стране, где климатические условия благоприятствовали как сохранению мужества, так и развитию культуры, и потому предназначенные к господству над вселенной [1]. Мечту

Аристотеля до некоторой степени осуществил его ученик Александр Македонский. Победы Александра подчинили Переднюю Азию и Египет политическому и культурному влиянию эллинов и создали так называемый эллинистический культурный мир. Роль культурных вождей осталась за греками и после утраты ими политического господства, когда парфяне постепенно оттеснили македонцев и эллинов за Евфрат, с запада римляне постепенно завоевали всю остальную часть бывшей империи Александра.

Рим подчинил своему культурному влиянию Европу и впервые опроверг мнение Аристотеля о неспособности европейских народов, кроме греков, к культурному развитию. По географии римского периода Европа уже была частью света, расположенной не к северу, а к западу от Азии. Географ Страбон (I в. н.э.) уже отмечает благоприятные для развития культуры физико-географические и климатические особенности Европы, хотя особенно настаивает на преимуществах географического положения Италии, будто бы предопределившего мировую роль Рима. Римом же было создано превосходство Европы над Азией в области права, техники, военного дела, как греками в области искусства и науки. Греко-римский мир не только для современной исторической науки, но и для самих римлян составляет одно целое; образованный римлянин должен был знать «оба» языка: т.е. латинский и греческий [8].

Христианство, ислам и впоследствии гуманизм изменили представление европейцев о Востоке. История Передней Азии и Европы рассматривалась в Средние века как одно целое; из Библии, из книги Даниила, было заимствовано господствовавшее в Европе до XVII в. представление о четырех последовательных мировых монархиях: ассирийско-вавилонской, персидской, греко-македонской и римской. Универсальное значение Рима до конца мира не подвергалось сомнению; все, что этому противоречило, считалось временным и незаконным явлением. Религией было создано отчуждение Европы от нехристианского, впоследствии некоего личного Востока. Но только гуманизм перенес это отчуждение на дохристианское прошлое. Созданное в XVII в. деление мировой истории на древнюю, среднюю и новую привело к взгляду на Восток как на мир, оставшийся в древности вне влияния греко-римской цивилизации. Для приверженцев этого деления древняя и вместе с тем мировая история начинается с истории Греции [3].

На протяжении XIX в. концепция «восточного деспотизма» не пользовалась признанием, т.к. колониальный деспотизм западных держав в ряде отношений явно воспроизводил «идеальный тип» деспотизма, а в некоторых отношениях был еще хуже, так как степень ограбления и использования принудительного труда явно превосходила классические образцы.

Результаты критики и положения о ненормативности «восточной деспотии» вошли во все принятые исторические концепции на Западе. Критическое отношение к государству усилилось и приобрело всеобщий характер в применении к классическим обществам Востока. Детерминация общества рассматривалась в терминах собственности на средства производства и на власть. Это породило идеологические конструкции, призванные выразить совокупное неприятие всяких механизмов надличностной социальной регуляции. Критическое отношение к капитализму как системе классового господства сменилось его апологетикой как системы личной свободы, общественной или коллективной собственности и рынка как основ для универсальной социальности всех времен и народов.

Негативное отношение нередко распространяется не только на восточные общества, но и на любые имперские образования на Востоке. Соответственно, все прежние и иные общества, помимо «западных» в их идеальнотипическом виде, приобрели ущербный характер как воплощение несвободы человека. Столь хорошо отработанная ранее формула «усиление эксплуатации» сменяется на условное психологическое понятие «ситуация дискомфорта, вызванная нарушением привычных норм». Как-то почти незаметно античный мир лишился своего прежнего статуса рабовладельческого общества и превратился в воплощение свободы, демократии, права и частной собственности. И его прямым преемником и продолжателем стал Запад. Полторы тысячи лет, занятые вначале вполне автократической Римской империей, а затем кондоминиумом автократических монархий и духовной теократии католицизма, по-видимому, молчаливо считаются при этом досадным историческим эпизодом.

Восточные государства приобретают массу негативных определений и эпитетов, на протяжении всей их истории предстают как деспотичные, а персонификацией произвола и своеволия является сам деспот. Ради обеспечения своей безопасности он устанавливает «перманентный и универсальный террор». На Востоке в целом «не было никакого благородного сословия», основанного на благородстве происхождения, «должностные лица полностью обезчеловечивались», «личная инициатива и ответственность полностью исключались». Никто в этом обществе не стремился к «свободе как таковой», а поведение подданных диктуется противоестественным переплетением любви и страха по отношению к своим правителям. Что касается духовной жизни, то здесь имеет место «идеологический грабёж», «идейная минимизация», не допускающая ни рассуждений, ни возражений, ни собственных мнений [5].

Звучат постоянные доказательства вековой ущербности Востока и обоснования вечного превосходства «демократического» Запада, доходящие до расовых противопоставлений. Эта идеологическая установка получает выражение в публикации А. Янона. По его мнению, деспотический Восток «тысячелетия существовал в условиях экономической и политической иммобильности». Все время Восток был «мертвым политическим телом». «Это был оруэлловский мир, обращенный в прошлое. Мир, который никуда не вел. Мир, который был органически не способен сам из себя, спонтанно произвести политическую цивилизацию. Мир без будущего, в котором жила и умерла большая часть человечества». И окончательное суждение сводится к тому, что весь этот деспотический мир - явление, «полярно противоположное цивилизации» [10].

Радикальный западизм автора делает его характерной фигурой идеологической борьбы, в которой исчезает сколько-нибудь реальный научный анализ, демонизируется весь «Незапад» и обосновывается неизбежность и прогрессивность гегемонизма Запада. Метафизическая обреченность огромной части человечества должна выгодно преподнести высшие достоинства западных наследников античной и просветительской классики. Апологеты Запада вытесняют из истории «остальное человечество», не соответствующее установленным ими меркам.

Авторитет Н. Макиавелли и Ш. Монтескье и впечатления некоторых европейских путешественников по Востоку подтверждают, что со времен Геродота и Аристотеля установилось глобальное расхождение между гражданским обществом как политически свободным государством, которое существовало у европейских народов на протяжении всей истории, и восточным деспотизмом - на всех остальных территориях также на протяжении всей истории. «На Западе, уже со времен классической Греции, появляется феномен свободного гражданина», частного собственника и основы гражданского общества [9]. Восток в этой «идеальной модели» предстает как «абсолютное преобладание государства над обществом», как самодовлеющая сила, формирующая все многообразие человеческих отношений [2].

Таким образом, результаты критики и положения о ненормативности «восточной деспотии» вошли во все принятые исторические концепции на Западе. Критическое отношение к государству усилилось и приобрело всеобщий характер в применении к классическим обществам Востока. Детерминация общества рассматривалась в терминах собственности на средства производства и на власть. Это породило идеологические конструкции, призванные выразить совокупное неприятие всяких механизмов надличностной социальной регуляции. Критическое отношение к капитализму как системе классового господства сменилось его апологетикой как системы личной свободы, общественной или коллективной собственности и рынка как основ для универсальной социальности всех времен и народов.

Список литературы

1. Аристотель. Политика // Соч.: в 4-х т. М., 1983. Т. 4. С. 188.
2. Бабушкин В. У. О природе философского знания. М., 1978. С. 93.
3. Бартольд В. В. Культура мусульманства. М., 1998. С. 86.
4. Гуревич П. С. Философская антропология. М., 2001. С. 75.
5. Ерасов Б. Феномен «восточного деспотизма» как явление «нового мышления». М., 1988. С. 122.
6. Ильин М. В. Слова и смыслы: опыт описания политических понятий. М., 1997. С. 139.
7. Крапивенский С. Э. Социальная философия. М., 1998. С. 43.
8. Стратановский Г. А. Страбон и его «География» // Страбон. География: в 17-ти кн. М., 1965. С. 146.
9. Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993. С. 68.
10. Янон А. Сочинения. М., 1982. С. 44.

“EASTERN DESPOTISM” CONCEPTION ANALYSIS IN WESTERN EUROPEAN PHILOSOPHICAL THOUGHT OF NEW TIME

Marina Mikhailovna Shubina

Department of Philosophy and History

South-Russian State University of Economics and Service

shubina-m@mail.ru

The article is devoted to “eastern despotism” conception analysis as the form of Europocentrism manifestation. The author considers some works of Western European philosophers of the XVIIIth century (L. Montesquieu, P. d'Holbach, A. H. Anquetil-Duperron, N. Machiavelli) devoted to this subject matter and pays special attention to the use of the word “East” in culture and history. The brief analysis of the change of Europeans’ ideas about the East is carried out.

Key words and phrases: “East”; “eastern despotism”; Europocentrism; human being; state; determination; political freedom.

УДК 5527

В статье рассматривается роль и место музыки в осмыслении сущностных характеристик бытия в современном пространстве культуры. Автор анализирует процессы, происходящие в музыкальном искусстве Новейшего времени, раскрывает логику преобразований, влияющую на духовно-творческое становление деятельного субъекта, обосновывает роль художественно-творческой деятельности как фактора саморазвития личности и ее самоопределения в системе «человек-мир».

Ключевые слова и фразы: субъект деятельности; музыкальная культура Новейшего времени; музыка как интегральный символ культуры; музыка в познании и самопознании личности; идея синтеза; универсальный диалог.

Анна Иосифовна Щербакова, д. пед. н., профессор

Кафедра социологии и философии культуры

Российский государственный социальный университет

pianorus@mail.ru

ПОСТИЖЕНИЕ СУЩНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК БЫТИЯ В МУЗЫКАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ[©]

Размышляя над основными характеристиками бытия, А. Ф. Лосев называет музыку не только интимнейшим, но и наиболее адекватным выражением стихии душевной жизни, являющейся постоянным предметом